

Попенок

Крестный ход почему-то задерживался, из церковных, окованных железом, врат все никак не выносили большие золоченые лепестки хоругвей, и на колокольне старичонка-звонарь в одной рубашке, надувавшейся на худом теле пузырем от ветра, продрог и озлобился вконец. Высунув в проем белесую головенку, потянул, как ищейка, ноздрями воздух, поперхнулся и спросил, будто петух прокукарекал:

- Иду-ут?!

Старушки-богомолки, после тесноты и духоты в храме отпыхивающиеся на лавочках на погосте, привезшие их сюда на «жигуленках» и иномарках сыновья-зеваки ответили ему нестройным хором: «Не идут!».

Звонарь на верхотуре затих, но сиверко пробирал его до костей, через недолго старик опять возопил тоненьким надтреснутым голоском. Услышав снова разнокалиберное «нет», звонарь яростно взвизгнул:

- Когда же пойдут...

И припечатал словечко.

Народ внизу на мгновение от изумления охнул, замер. Старушонки часто закрестились, молодяжка криво заухмылялась.

На паперть, наконец, вывалили из храма, тяжело ступая, колыша хоругвями, церковные служки, заголосил хор, тут-то старик ударил в колокола. Один, побольше и видно расколотый, дребезжал, зато подголосок его заливался, словно бубенец. Звон был слышан разве что в пределах ограды: где ему - чтоб на всю округу окрест. «Язык» от главного колокола, который едва могли поворочать два здоровых мужика, валялся с тридцатых годов под стеной храма...

Крестный ход опоясывал церковь, священник кропил святою водой то стены, то народ, и о звонаре - охальнике все как-то забыли.

А он нащупал дощатую крышку люка, открыл ее и осторожно поставил ногу на верхнюю ступеньку винтовой лестницы. Прежде чем захлопнуть за собою люк, подставил лицо заглянувшему в окно звонницы солнцу, похлупал красными ошпаренными веками.

Звонарь был слеп, но по лестнице спускался уверенно, изучив на ощупь не только каждый сучочек на ступеньках, а и щербинки-метки в стискивающих лестницу стенах.

Слепому звонаря прозвали дедом Ежкой, именовать же его на серьезный лад Иннокентием считали недостойным, да и языку иному лень было такое имечко произнести. Дед Ежка появился у церкви иконы Знамения Божией Матери в бесконечно сменяемой чередой прилюдных бродяг, побирался первое время на паперти и с особо щедрых подачек, как и другие убогие, гужевал напропалую в заросшем кустами овраге под церковным холмом, напивался до бесчувствия, бывал бит, но уж если и вцеплялся какому обидчику в горло, то давил до синевы, до хруста, насилу оттаскивали.

Нищие приходили и уходили, а Ежка прижился - обнаружилась у него способность управляться с колоколами. Взамен за службишку слепой много не требовал, довольствовался углом в сторожке да тем, что сердобольные прихожанки подадут.

Так прошло немало лет, и слепой звонарь стал необходимой принадлежностью храма. Откуда он да чей - выпытать у него не смогли, как ни старались. Трезвый он просто

отмалчивался, а из пьяного, когда к нему решались залезть в душу, лезли потоком такие слова, что святых выноси.

У деда Ежки появился напарник - настоятель принял на работу нового дворника, известного в Городке «молодого» поэта Юрку Введенского.

Заходя в редакцию газеты, Юрка сожалел, что однажды неосторожно «раскололся» на семинаре местных дарований. На мероприятие приехали областные писатели и прежде чем усестыся за банкетный стол решили обсудить творения пары-тройки человекочков. Успели они бегло проглядеть Юркины опусы и предложили автору рассказать о себе.

И дернул черт Введенского «резать» за чистую монету:

- Вор я бывший, карманник. Четыре «ходки» имею...

Юрка неожиданно для себя увлекся, живописуя свою прежнюю житуху, да и не удивительно было - солидные седовласые «члены» внимали ему, по-вороньи распяля рты, с интересом разглядывая его - маленького, суетливого, в чем только душонка держится, мужичка за пятьдесят с плешивой, дергающейся в нервном тике головой и , как у мороженого окуня, глазами. Костюм в крупную клетку, позаимствованный на время у тороватого соседа, висел на Юрке мешком, брючины пришлось закатать, но все бы ладно: и треп, и внешний вид, кабы вошедший в раж Юрка не предложил кому-то поэкспериментировать с бумажником. Выну, дескать, не засекейте!

Все с испугом залапали карманы, облегченно завздохали потом, запосмеивались, и Юрку за банкетный стол не взяли.

С той поры при появлении Юрки в редакционном коридоре бабенки поспешно прятали сумочки, мужики на всякий пожарный пересчитывали наличность в карманах; и Юркины творения, со старанием переписанные им от руки ровным школьным почерком, вежливенько, холодно отклоняли, морщась:

«Поезд уходит в даль заревую,

Колеса мерно стучат.

Пассажиры запели песнь боевую,

Над крышей вороны кричат.»

- Че он приперся-то, тут у нас люди приличные ходют! - ворчала секретарша.

Введенского, в какой бы кабинет он с робостью не заглядывал, везде встречали молчаливые, ровно кол проглотившие сотрудники; привечала его только в репортерской клетушке с обшарпанными, прокуренными обоями на стенах и колченогим шкафом, наполненным порожними бутылками, молодяжка. Тут угощали куревом и, слушая какую-нибудь Юркину байку, понимающе кивали. Юрка оставлял свои произведения и не видел, уходя, как их тут же отправляли в «корзину» и смеялись: «Все прикольной с ним!» Как-то Введенский заявил вполне здраво: «Буду в корнях своих копать!», но доброе его намерение, как обычно, пропустили мимо ушей...

Юрка до поры верил в воровскую судьбу, хоть и играла она с ним, как кошка с мышкой.

После детдома, «ремеслухи», втыкая где-то на заводе, он влип за пьяную драку: коротышка, сухлец, чувствуя, что забивают его до «тюки», нащупал на полу железяку и всадил ее в здорового верзилу. Тот, слава Богу, оклемался в больнице, Юрка же, мотая срок, не любил вспоминать за что его получил, простым «бакланом» не желал прослыть.

У него иной «талант» в полный цвет вошел, за какой в детдоме крепко лупили да все

равно его не выбрали.

После лесоповала на «зоне» возвратившемуся на волю Юрке вкалывать особо не захотелось. Но сытной жратвы, вина, баб властно требовал его отощавший изрядно организм. Введенского понесло мотаться по разным городам, благо вокзалы, базары, общественный транспорт существовали везде. Он наловчился «работать» мастерски: обчищал карманы у зевак, ловко разрезал отточенной монетой дамские сумочки и долго не попадался. Жаль вот добытые деньжонки мгновенно таяли. Когда особенно фартило, Юрка, приодевшись, пытался кутить, но быстро спускал все до последних порток, да и милиция уже висела на «хвосте» - унести бы ноги. Бывало, не успевал...

Между «отсидками» Юрке удавалось заводить женщин, но все попадались такие, какие его не дожидались.

В лагерях в большие авторитеты Введенский не выбился. В «шестерках» его не обижали, хоть и был он безответного и безобидного нрава.

В лесу, где зеки валили деревья, вдруг замирал возле поверженной в снег сосны, задирая к небу исхудалое, с ввалившимися щеками лицо и устремлял ввысь оторванный от всего взгляд вытарашенных полусумасшедших глаз. Юркины кровоточащие на морозе губы едва заметно двигались, что-то шепча. Порою Юрка падал на колени, прижимая сложенные руки к груди.

- Придуряется! - говорили, жестко усмехаясь, одни и норовили подопнуть его под бок.

- Молится! - прятали тоскливые глаза другие, что послабже, поизнуренней.

Случалось, Юрка лез к какой-нибудь забубенной головушке - угрюмому, зыркающему исподлобья «пахану», расспрашивая того вкрадчиво-участливо, пытаясь затронуть что-то потаенное, бережно хранимое в глубине души. И в ответ обычно получал зуботычину или в ухо, отлетал пришибленным кутенком, но самый лютый громила начинал потом тосковать, о чем-то задумываться.

За Юркой прочно закрепилось «погоняло» - Поп. Вот за это самое...

После последней «отсидки» Введенского потянуло неудержимо в Городок, на родину, туда, где пуп резан. Он как-то сумел худо-бедно обустроиться в общежитии, не запил, не воровал, работал где придется и кем попало, даже стишата сочинять брался.

Видели часто его стоящим на службе в церкви.

Юрка молился, внутренне радуясь чудесному совпадению: если в самом деле так, то конец его безродности! В этом храме когда-то служили священники братья Введенские, расстрелянные перед войной. От младшего брата Аркадия осталась куча ребятишек, которых власть рассовала по разным детдомам. А вдруг... он один из них?! Юрка тем и тешился, верил и не верил.

Юрка с дедом Ежкой вроде б и подружились: один наверху звонит, другой внизу метет. Слепой однажды спросил у Юрки - чей да откуда, и тот вилять не стал, про былую житуху выложил без утайки.

Дед Ежка хмыкнул одобрительно: ночуй, если хочешь, за компанию в сторожке все веселей. И своровать надумаешь, так нечего. Введенский окинул взглядом горенку, и дед Ежка, видно, учуял это, затрясся в мелком смешке, хлупая ошпаренными веками: знал куда гость смотрит - в передний угол.

- Иконки-то ценные, старые. Про то хозяйка прежняя сказывала, помирая, а ей их попадая Введенская отдала. Родня-то хреновая, взять боялись... И ворье не добралось:

сторожа по «кумполу», замки на дверях церкви выворотили, а ко мне заглянуть не додули. Вот ты, паря, можешь их стянуть али подменить . Я слепой, не увижу!

Юрка бы в другом месте вспылит, убежал, хлопнув дверь - кому любо, когда старым в глаза тычут. Но он сидел, уставясь на темные, в блестящих окладах, лики. Опять Введенских помянули...

И старик почувствовал, что болтает лишку, словно зрячий, безошибочно нашел и прижал к столешнице Юркину руку.

- Не обижайся, паря, шуткую я. Голос твой мне вроде знаком, часом не встречались где?

Юрка недоуменно пожал плечами, и слепой опять будто увидел это:

- Ну-ну! Я че вспомнил-то... Перед самой войной я в команде исполнителей приговоров служил. Насмотрелся, как смертный час человек встречает. По-всякому... Попало нам в «расход» расписать двоих братьев-попов. Повел я своего в подвал, поставил к стенке. Бац из нагана! А он стоит, не валится. Я еще - бац, бац! Что такое, поджилки затряслись - все семь пуль в него вlepил, а он стоит! Оборачивается ко мне - поп-то здоровый дядька , молодой, - и говорит: «Видишь, служивый, Господь меня хранит, отводит, час мой, чаю не пробил.» Я тарашусь на него, как дурак, и из нагана только пустой щелкоток слышен. Поп-то на меня надвигается, пальцы вознял: благословляю тебя, палача моего! Я уж, себя не помня, выбежал за дверь: знаю, что там караульный стоит. Винтарь у него из рук вырвал, хлоп в попа - наповал! А прихожу в караулку - там хиханьки да хахоньки! Чего удумали сволочи - в барабан нагана мне холостых патронов напихали. Всем смешно, а я чаял - все, карачун схватит! - дед Ежка затренькал неприятным трескучим смешком и потрогал пальцами свои изуродованные веки. - Меня Бог по-другому наказал... И кабы не это, лежать бы мне давно в земле сырой. Исполнителей наших всех в «расход» тоже пустили, следом за ими же убиенными. А я вот, хоть и худо, да живу: ни тех, ни других до того свету встретить не боюсь. Никого не осталось, лежат - полеживают... У тебя, паря, голос с тем попом схож, че я вспомнил-то, - закончил неожиданно Ежка и зашаборошил пальцами по столешнице, нащупывая стакашек с водкой. - Налил мне? Давай помянем загубленных человечков!

Юрка слушал, раскрывши рот: как прожил жизнь дед Ежка, он прежде стеснялся поинтересоваться, теперь же все всколыхнулось, закипело в нем.

- А-а! - он дико, по-звериному, взвыл, наверное, так, когда подростком еще на заводе всаживал прут арматуры в добивавшего его громилу. - Никого не осталось? А я? Сын того попа! Думаешь, не достану тебя ?!

Юрка , сжимая кулаки, привстал со стула, но дед Ежка, прикрывавший руками голову, вдруг медленно, боком, повалился на пол и, дернувшись, затих.

«Неужто пришиб падлу? - Введенский в недоумении поглядел на свой кулачок. - Не дотянулся вроде б, не успел. А ведь убил...»

Юрка засуетился, бросился перед ликами на колени, торопливо крестясь. И опять сработала в нем потаенная пружина - вовек ей не заржаветь. Он, нашарив в углу горенки мешок, принялся запихивать в него иконы.

- Мои... Имею право! Мое наследство! - бормотал он и, уложив иконы все до одной, закинул мешок на плечо и уже на пороге споткнулся и растянулся во весь мах.

Из незавязанного мешка выскользнула икона Богородицы, копия храмовой. Юрка, глядя на лик ее, тонко-тонко заскулил, до боли прижимая затылок к острому углу дверного

косяка. Если б он умел плакать...

Николай Толстиков

March 11, 2010

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/4966>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com